

Николай Зеляк

ПЯТЫЙ ПОСТУЛАТ

СБОРНИК
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ – 4

Николай Зеляк
Пятый постулат. Сборник
фантастических рассказов – 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45565696

ISBN 9785005051950

Аннотация

В этом мире всё конечно. Бесконечна в своих проявлениях только человеческая мечта. Однажды проснувшись в человеке, она уже никогда не покинет его. Мечта будет постоянно подвигать человека к познанию мира, его окружающего. Мечта будет звать его всегда идти только вперёд. Всё дальше и дальше. К другим, неведомым ему мирам. И он обязательно дотянется до них. И до близких, и до запредельно далёких...

Содержание

Эврика	7
Не тронь моих чертежей	21
Пятый постулат	33
Всего один электрон	46
Пленники планеты Атис	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пятый постулат

Сборник фантастических рассказов – 4

Николай Зеляк

© Николай Зеляк, 2019

ISBN 978-5-0050-5195-0 (т. 4)

ISBN 978-5-4493-3386-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей любимой внучке Лорен!

Dedicated to my beloved granddaughter Lauren!

Перефразируя классика, можно утверждать, что рождённый без крыльев, летать не может. Этот рефрен верен для всех бескрылых существ, кроме человека. Хотя, он не ангел. У него за плечами нет крыльев. Но человек не смирился с этим физическим недостатком. Он всегда хотел летать. Как птица. Свободно и рядом с Солнцем. Поэтому он смастерил себе такие же крылья, как у птицы. Попробовал взлететь. Не вышло. Не хватало мускульной силы. Мешала гравитация Земли.

Тогда он изобрёл воздушный шар. Человек, наконец, ото-

рвался от поверхности земли и ощутил восторг свободного полёта. Он летел, но полётом своим управлять не мог. Полётом управлял ветер. Это человека не устроило.

И он придумал аппарат, который был совершеннее воздушного шара, и который его слушался. Таким аппаратом стал самолёт. Теперь он мог с комфортом летать на большие расстояния, но... только над поверхностью своей планеты. А человеку хотелось взлететь выше. Туда, за облака. Куда не сможет подняться ни птица, ни самолёт. Он мечтал вырваться в космическое пространство. В мир звёзд и безграничного простора.

И тогда он создал ракету. Она доставила его в открытый космос. Бескрайний, таинственный и холодный. Однако на таком космическом средстве передвижения он сможет дотянуться лишь до ближайших небесных тел. И то с трудом.

Конечно же, человека это не устроит. Полёт мысли и мечты остановить нельзя. Он обязательно придумает звездолёт, или иное невиданное устройство, которые позволят ему перемещаться между звёздами и звёздными островами так же легко и быстро, как он сегодня передвигается между станциями метро...

Но и на этом человек не остановится. Наступит великий момент, когда ему покорится время. Ещё одна таинственная и не имеющая пределов, первооснова. Он станет путешествовать во времени, как в пространстве...

В будущем же человек, наверняка, достигнет такого науч-

ного и технологического могущества, что уподобится демиургу...

Эврика

Середина III века до н. э.. Сицилия. Сиракузы. Об этом маленьком городке никто бы никогда не вспомнил, если бы не один великий человек, который прожил там почти всю свою жизнь. Звали этого человека Архимедом. Он получил хорошее, для своего времени, образование. Вначале ему передал свои знания его отец, астроном и математик по профессии. Потом он обучался несколько лет в Александрии Египетской, где приобщился к сокровищам знаменитой Александрийской библиотеки.

После этого различные изобретения и открытия посыпались из него, как из рога изобилия. Их было невероятно много. Трудно поверить, что всё это сделал всего один человек. Судите сами.

Он нашёл способ вычисления площадей и объемов тел, практически любой геометрической формы. В своих вычислениях он применял метод, который впоследствии умные математические головы окрестили интегральным исчислением.

Вычислил число «пи», значением которого те же математические умы пользовались на протяжении двух с лишним тысяч лет. Пользовались бы величиной, предложенной Архимедом и сейчас, если бы не появились вычислительные машины.

Этот гениальный человек, несмотря на то, что он творил в античные времена, изобрёл и теоретически обосновал массу простых приспособлений, которыми мы благополучно пользуемся в быту и сегодня, немало об этом не задумываясь. Более того, будем пользоваться ими и впредь.

Мы колем дрова, используя клин. Копаем землю, успешно применяя принцип рычага. Поднимаем и перемещаем тяжёлые грузы, пользуясь системой блоков. Извлекаем ведро воды из глубокого колодца, прибегая к помощи ворота. Готовим фарш для пельменей, благодаря работе бесконечного винта Архимеда, вмонтированного в мясорубку. Охотно применяем другие нехитрые устройства, где человек, проигрывая в расстоянии, выигрывает в силе. В целом же, античный грек несметное число раз изумлял воображение скептических и недалёких сограждан своими, технически хитроумными, машинами и устройствами...

Однажды царь Сиракуз, Гиерон построил, для своего закадычного друга и царя соседнего города, корабль. Посудина удалась на славу. Она получилась большой и роскошной. Но у неё вскоре обнаружился всего один, но фатальный недостаток. Она находилась на суше и была чересчур тяжела для коллективных потуг граждан Сиракуз, стремящихся окунуть её в лоно родной стихии. И так пытались сдвинуть с места, и эдак. Ничего не выходило. У несчастного царя, от отчаяния, опустились руки.

И тут к нему на помощь пришёл Архимед. Учёный спо-

койно заявил, что он один, без чьей-либо помощи, только с помощью двух своих рук и, придуманного им, устройства доставит громоздкий корабль, куда следует. Народ, естественно, сильно засомневался. Да и царь Гиерон тоже. Если такую работу не смогла сделать целая уйма народа, то, что тогда говорить об одном человеке. Даже не смешно. И народ высыпал на улицу злорадно поглазеть, как хилый человек, в одиночестве, потащит волоком большой корабль к далёкой воде. Собрались посмотреть и от души потешиться над самонадеянным глупцом.

Но Архимед слов на ветер никогда не бросал. Сказал, сделал. И он, действительно, смог, только с помощью своих рук и хитроумного механизма, доставить упрямую посудину в нужное место. Скептический народ был просто-напросто смят. Даже, у видавшего виды, тирана Сиракуз вылезли на лоб глаза, от изумления.

– Скажи, Архимед как это тебе удалось?

Учёный невозмутимо ответил:

– Дай мне точку опоры, и я сдвину Землю!

Особняком, в его научном творчестве, стоит открытие, которое уже две тысячи лет носит его имя. Это знаменитый закон Архимеда. Его знает каждый школьник. Если, конечно, он не двоечник.

Этот закон легко и просто объясняет, почему держатся на воде и утлые лодки и железные монстры, вроде авианосца или океанского лайнера. Да и вы сами, если будете хотя бы

немного шевелить руками и ногами, то тоже никогда не утонете. А всё потому, что на поверхности воды вас будут поддерживать бескорыстные и благородные архимедовы силы...

Об этом законе, пожалуй, знают все. Даже историю его появления на белый свет знают, если не все, но многие. Знают по легендам, которым более двух тысяч лет. Естественно, никто не ставит под сомнение правдивость этих легенд. В общем, конечно. Но есть нюансы и некоторые сомнения, которые, для полноты и ясности исторической истины, надо прояснить. Сюда, в частности, относится весьма пикантная история, повествующая о том, что Архимед якобы бегал по улицам Сиракуз с криком «Эврика!», да ещё и в костюме Адама! И побежал он в таком виде якобы сразу же после того, как открыл закон, который теперь носит его имя.

Подлинность истории с обнажённым коллегой, в академических кругах Хроноцентра, мягко говоря, подверглась сильному сомнению. Академики никак не могли взять в толк тот факт, что их коллега из далёких Сиракуз мог позволить себе подобную несолидную выходку. Они, будь на его месте, на такой шаг никогда бы не пошли. А чем хуже их Архимед? Он ведь, не какой-нибудь там рядовой гражданин, а солидный учёный. Если бы в таком виде, скажем, бегал простой гражданин, то на него никто, из серьёзных историков, не обратил бы своего учёного внимания. Рядовые граждане и сейчас иногда бегают обнажёнными, и не обязательно в Сиракузах. Они могут бегать в любом городе, вызывая интерес

разве что у эскулапов, да блюстителей порядка.

Кстати, и в самих Сиракузах тех времён на выходку Архимеда, скорей всего, не обратили бы внимания. У них там все мужчины, поголовно, на спортивных соревнованиях бегали босиком и без одежды. Да и женщины, наверняка, поступали бы так же, если бы им разрешили заниматься спортом. Поэтому вид обнажённого гражданина полиса, бегущего по улице, надо полагать, никого бы особенно не смущал. Эка невидаль. Может это спортсмен тренируется перед ответственным соревнованием. Набирает, так сказать, свою спортивную форму.

Античные сиракузцы, скорей всего, обратили бы взоры свои, не на внешний вид бегущего гражданина, а на то, что он, выкатив глаза, громогласно восклицал слово «Эврика!». Это слово в переводе с древнегреческого языка означает «Я нашёл!». А что нашёл бегущий гражданин, народу было непонятно. Ведь в руках у него ничего не было! Зачем же народ обманывать, почём зря. Нехорошо. Так и побить могли...

История, как и математика, всегда стремится к истине. А любая истина базируется только на факте. По этой причине историки из академических кругов Хроноцентра всегда пристально интересовались только конкретным фактом. В данном случае требовалось предметно установить – бегал или не бегал обнажённым их коллега по пыльным улочкам античных Сиракуз. Говоря другими словами, им надо бы-

ло отделить зёрна от плевел. А если выразится ещё точнее, то проверить на истинность легенду, повествующую об этом двусмысленном эпизоде из жизни маститого учёного. А походу ещё, и узнать кое-что о житье-бытье античного обывателя, в целом...

Естественно, на randеву с Архимедом отрядили Глеба Дронова. Он был опытным хронопутешественником. Более того, Дронов имел уже личный опыт посещения аналогичной временной эпохи. Достаточно вспомнить его присутствие на военном совете, который проводил сам Александр Македонский, накануне решающей битвы при Гавгамелах.

Год Веков, непосредственный шеф хронопутешественника, отнёсся к будущему путешествию своего подопечного, как всегда, крайне серьёзно и ответственно. С языком, физикой и геометрией тот дружил. Сейчас для него главным было вжиться в образ учёного гражданина из соседнего полиса, который наносит визит к Архимеду по важному научному вопросу. И надо очень постараться, чтобы не проколоться.

Высокий, атлетически сложенный, в белоснежных одеждах из тонкого полотна и кожаных сандалиях с золотыми пряжками, он был похож на небожителя, только-только сошедшего с Олимпа. Его роскошный костюм дополнял широкий пояс с неизменным армейским ножом на боку. С ножом Глеб не расставался никогда. Это был его талисман.

...Дронов прошёл сквозь хронопортал у высокой, глухой стены, выполнявшей роль ограждения приличного, по раз-

мерам, дома. Огляделся. Увидел случайного прохожего, который выпорхнул из-за угла. Прохожий его не впечатлил. Он был босой и одет в серую хламиду из грубой ткани. Зато прохожего впечатлил невероятно, судя по его открытому рту и выпученным глазам, высокий и знатный человек, появившийся неизвестно откуда. Видя замешательство случайного горожанина, Глеб дружелюбно улыбнулся.

– Приветствую тебя, друг.

Прохожий неловко переступил с ноги на ногу. Было видно, что к такому обращению со стороны аристократов он не привык. Новоявленный «друг» смущённо ответил:

– И я...

Аристократ представился:

– Меня зовут Фессал. А как зовут тебя?

Босоногий горожанин смутился ещё больше.

– Лакедемон.

Глеб решил сразу взять быка за рога.

– Скажи, Лакедемон, как мне пройти к дому Архимеда?

Улыбнулся ещё раз.

– Надеюсь, тебе знакомо имя этого благородного человека?

Лакедемон оживился. Он смекнул, что может поживиться. Ведь перед ним стоял состоятельный человек.

– Архимед? Конечно, его имя мне знакомо. Архимеда знают все в этом городе.

– Где он живёт, знаешь?

– Как не знать. Знаю.

– Покажи!

Босоногий горожанин замялся.

– Дашь драхму?

Дронов, молча, протянул ему монету.

– Возьми.

В плутоватых глазах меркантильного горожанина мелькнуло удовлетворение.

– Он живёт на другом конце города. Иди по улице, на которой стоишь, до конца. Потом пойдёшь налево. Чуть пройдёшь и спросишь про Архимеда. Каждый покажет тебе его дом.

Дронов вежливо поблагодарил плутоватого горожанина Лакедемона и отправился по означенному маршруту. Он волновался. Но не подавал вида. Шагал уверенно, стараясь не глядеть по сторонам. Зато, смотрели на него. Все подряд. Кто исподтишка, а кто во все глаза. Такого ладного и красивого человека граждане города обоего пола ещё не видели.

Дом Архимеда посланец из будущего нашёл достаточно легко. Подсказали доброжелатели.

Архимеда он увидел уже издали. Тот неподвижно сидел на ступеньках портика своего дома. Глеб окинул беглым взглядом строение и пришёл к выводу, что учёный далеко не бедствовал. Он был одет в короткую, белую хламиду. Склонённая вниз голова его, несмотря на высокое солнце, оставалась непокрытой. Архимед был погружён в глубокие

размышления настолько, что остального мира для него, казалось, совсем не существовало. Песок перед его неподвижными глазами пестрел какими-то фигурами и символами.

Дронов, заметно волнуясь, подошёл ближе. Учёный поднял свою голову лишь тогда, когда глаза его нечаянно зацепили носки чужих сандалий. Глеб увидел его лицо. Это был мужчина средних лет. Короткая стрижка и борода серебрились сединой. Между бровей лежала глубокая морщина – признак постоянных и глубоких размышлений. На лбу бусинки пота. Умные, глубоко посаженные глаза выглядели устало. Веки красные. Скорее всего, от недосыпа. Люди мало спят, обычно, от того, что их что-то сильно беспокоит. Это либо физическая боль, либо сильные, душевные переживания.

Архимед недоумённо посмотрел на, неизвестно откуда свалившегося, гостя. Лицо недовольное. Видно, учёному не понравилось, что его оторвали от важного дела.

Дронов тихо произнёс:

– Приветствую тебя, Архимед!

Учёный учтиво буркнул в ответ:

– И я тебя приветствую, незнакомец.

Хронопутешественник назвал своё вымышленное имя:

– Меня зовут Фессал.

Архимед раздражённо спросил:

– Ты ко мне, Фессал?

Хронопутешественник кивнул. Он, по-прежнему, испы-

тывал сильное внутреннее волнение. Ещё бы не испытывать. Ведь он встретился с самим Архимедом. С великим человеком, обладающим, невероятным по мощи, интеллектом и неистребимым стремлением к истине!

– Да.

Учёный нетерпеливо произнёс:

– Говори, зачем пришёл.

Предупредил:

– Помни, я очень занят.

Несмотря на довольно холодный приём, посланец из будущего вёл себя учтиво.

– Благородный Архимед, я пришёл к тебе из соседнего полиса. С великой просьбой от всех его граждан.

Архимед смягчился.

– Говори, в чём заключается просьба граждан твоего полиса?

– Поделись тайной устройства твоих метательных машин. Нам стало известно, что твои орудия метают камни в два раза тяжелее и в два раза дальше, чем наши метательные машины. Хотя, на вид наши катапульты и больше и тяжелее машин, построенных тобой.

Античный инженер усмехнулся.

– Здесь дело не в величине машины, а в правильном определении центра тяжести системы и усилий рычага.

Человек из будущего прикинулся простаком.

– Мне трудно понять твои слова, Архимед.

Учёный неожиданно спросил:

– Фессал, ты спешишь?

Дронов пожал плечами.

– Время терпит.

Архимед облегчённо вздохнул:

– Хорошо. Как только решу свою задачу, так сразу же объясню тебе, как работает моя катапульта. Вдобавок, дам тебе ещё и её чертёж. Договорились?

Дронову пришлось согласиться.

– Договорились...

Архимед снова склонился над своими знаками и символами, совсем забыв о госте.

Дронов подождал некоторое время, затем тактично поинтересовался:

– Скажи мне, благородный Архимед, над чем ты сейчас работаешь?

Архимед поднял свои покрасневшие глаза на гостя. Неожиданно для Дронова, вступил в диалог. Видно, ему все же потребовалась пауза в работе и желание поделиться с кем-нибудь своими проблемами.

– Уже много дней я бьюсь над заданием царя Гиерона. Но усилия мои напрасны. Я, до сих пор, не могу найти его точного решения!

Гость неожиданно предложил:

– Поделись своей проблемой со мной.

Учёный с удивлением и надеждой посмотрел на гостя.

– Ювелир сделал для царя корону и утверждает, что она из чистого золота. Даже клянётся Зевсом, что это так. Но я в этом сомневаюсь. Мои сомнения разделяет и царь. Мошенник мог присвоить часть золота, заменив его серебром. В сплаве их не различишь. Вот царь и поручил мне вывести этого мошенника на чистую воду, определив в сплаве доли золота и серебра.

Гость спокойно спросил:

– В чём же проблема?

Архимед перевёл дух.

– Я знаю удельный вес золота и удельный вес серебра. Я бы смог рассчитать долю их в сплаве, если бы знал точный объём короны. Форма короны очень сложна, а мои методы расчёта весьма приблизительны. В этом и кроется вся суть проблемы!

Дронов, конечно же, знал решение задачи, однако, снова, прикинулся наивным, но сочувствующим человеком.

– Согласен. Задача трудная. Ты устал, Архимед. А усталость плохой помощник мысли.

– Что ты предлагаешь?

Дронов улыбнулся.

– На улице жарко. Иди и наполни свою ванну. Только до краёв.

Учёный усмехнулся.

– Зачем до краёв? Вода, при погружении в ванну, может пролиться наружу!

Гость мягко заметил:

– Это не важно, Архимед. Важно то, что ты погрузишь туда своё тело...

Многозначительно улыбнулся.

– Твой мозг освежится. Он родит новые мысли!

Архимед устало поднялся.

– Ты прав. Насчёт ванны мысль хорошая. Подожди меня здесь. Я скоро вернусь.

Дронов присел на ступеньки. Посмотрел на письма, начертанные рукой великого грека. Ощутил волнительное чувство приобщения к его творчеству...

Прошло некоторое время. За дверью дома послышалась ощутимая возня. Вскоре дверь распахнулась, и на пороге показался античный учёный. Совершенно не одетый. Но данное обстоятельство, его, видно, совсем не смущало. Глаза выпучены и смотрят за горизонт. Рот широко открыт, как у рыбы, выброшенной на горячий песок. Не замечая элегантного гостя, он сорвался с места и рванул вдоль улицы, оглашая её своим торжествующим воплем:

– Эврика!

Прохожие, случайно попадавшие на его пути, испуганно шарахались в стороны, уступая ему дорогу. Вскоре он растворился в знойном мареве...

Дронов рассмеялся.

– Ай да Архимед! Ай да молодец! Пробежался-таки по пыльным улицам Сиракуз в костюме Адама. В пику хан-

жеским представлениям коллег из Хроноцентра!

Иронично резюмировал:

– Прелестно. Стопроцентное совпадение с легендой. Никогда бы не подумал, что такое может быть. Вот что творит с нормальным человеком могучий внутренний импульс, когда делается настоящее научное открытие! Мне немного жаль академиков из Хроноцентра. Архимед оказался не из их среды. Он не вписался в предписанный формат. Не та натура...

Не тронь моих чертежей

Осень 212года до н. э. Сицилия. Сиракузы. Шла вторая Пуническая война. Война между Римом и Карфагеном. Война на уничтожение.

Шла она с переменным успехом. Каждый участник делал своё дело. Карфагенский полководец Ганнибал гонял непобедимые римские легионы по всему Апеннинскому «сапогу», а римский полководец Марцелл, в это время, осаждал небольшой, но непокорный город Сиракузы. Осаждал уже третий год. И, несмотря, на могучие потуги, никак не мог его взять. Город доблестно сопротивлялся. Несмотря на то, что карфагенский гарнизон сильно поредел. Несмотря на болезни и голод. Несмотря на своё отчаянное положение: ведь помощи ему было ждать неоткуда. И он бы давно пал, если бы не один седовласый, семидесятилетний его гражданин. Звали этого гражданина Архимедом.

Что же он такого сделал, что самая могущественная армия мира уже три года теряла свои зубы у неприступных стен этого скромного города? Кто он, этот седовласый старик? Всесильный колдун? Благородный волшебник? Всемогущий бог? Нет, этот человек не был, ни колдуном, ни волшебником, ни демиургом. Он был обычным смертным. Однако герой этого человека, в одиночку, противостоял, вооружённым до зубов и натасканным на войне, римским легионам

и побеждал их. И здесь нет никакой мистики. Просто прекрасно работали, сконструированные им, военные машины и механизмы. Они приводили в состояние смятения и неуверенности легионы захватчиков, осаждавших этот непокорный греческий полис.

Страшные «архимедовы когти», как лапы исполинских хищных птиц, цепляли мёртвой хваткой обнаглевшие вражеские триеры, которые посмели подойти вплотную к стенам города. Затем, используя систему блоков, поднимали их высоко над водой, а после спокойно роняли кормой или носом в морскую пучину. Разумеется, вместе с экипажем и десантом.

Для борьбы с римским флотом, Архимед блестяще использовал ещё и энергию солнца. Благо, в тех местах солнца было достаточно. Как это всё делалось? На крепостных стенах выстраивались ряды, начищенных до зеркального блеска, медных щитов. Выстраивались они в строго определённом порядке. Отраженные ими солнечные зайчики консолидировано били в одну точку. Точкой, естественно, была римская триера. Через несколько мгновений, корабль вспыхивал, как спичка. Блистательная придумка Архимеда вносила сумятицу в римский флот, и мешала ему высадить свои штурмовые отряды со стороны моря.

А архимедовы модернизированные катапульты? Они делились на две категории. Если говорить современными словами, то они представляли собой лёгкую и тяжёлую артилле-

рию. Лёгкие катапульты засыпали камнями штурмовые отряды непосредственно у стен города, нанося им большой урон. А тяжёлая артиллерия была по тылам римского воинства. Она выстреливала такие гигантские камни, и те летели так далеко, что нагоняли, на доблестное римское войско, тоску зелёную...

И никогда бы не взять римлянам город Сиракузы, если бы не предательство. Оно на войне случается часто. Среди плеяды героев всегда найдётся двуногое существо, которое ради спасения собственной никчемной шкуры, готово отдать на заклятие жизнь своих сограждан...

Имя Архимеда гремело на весь античный мир. Римский Сенат специальным своим решением постановил найти учёного в осаждённом городе и доставить его в Рим. Римляне хотели использовать в своих целях его мозги и идеи. А цель на данный момент у них была всего одна: Карфаген должен быть разрушен! Только вот есть большое сомнение в том, что Архимед стал бы работать на своего заклятого врага...

История – наука совсем не приблизительная. Для неё установить подлинность исторического факта, это всё равно, что мухе, бессмысленно тыкавшейся головой в оконное стекло, найти спасительную форточку.

Академические круги Хроноцентра озаботились фактом последних мгновений жизни древнегреческого учёного. Им нужны были достоверные данные, а не мифы и предания, которые роем клубились вокруг таинственной кончины си-

ракузского гения. По одной версии его убил невежественный римский солдат. Перед гибелью Архимед успел воскликнуть: «Не трогай моих чертежей!» По другой версии, он погиб случайно, но по собственной вине. По третьей версии, его всё же пленил римский полководец Марцелл...

Ясность в этот вопрос мог внести только хроновизит в ту далёкую эпоху.

В горящие Сиракузы отрядили Дронова. С его согласия, конечно. Путешествие ожидалось быть очень трудным и опасным. Риск для жизни хронопутешественника был велик. Но у Дронова были свои козыри. Он знал дорогу к дому Архимеда, владел его родным языком и встречался с учёным, лично. Правда, молодым. Нынешний Архимед был на несколько десятков лет старше. Но Глеб полагал, что узнает его. Дополнительно выучил ещё несколько недвусмысленных латинских слов и выражений. Специально для общения с римской солдатнёй.

Появиться в осаждённом городе Дронов вознамерился в облике римского центуриона. По своим физическим данным он соответствовал этой должности более чем. Отвечал всем, предъявляемым к центуриону, требованиям устава римской армии. Это – рост, сила, отвага, выдержка и подвижность. А фехтовал он так, что римлянам и не снилось.

Его облачили в чешуйчатый панцирь катафракта. На голову надели шлем с поперечным, посеребрённым гребнем. На плечи накинули короткий, красный плащ. Вооружили

коротким мечом. От поножей и щита отказались. Посчитали, что те будут только мешать. Дронов мог легко обойтись и без них.

Год Веков, непосредственный шеф Глеба, убедительно попросил подопечного не нарушать предписаний Хронокодекса, быть сдержанным и очень осмотрительным. Как-никак там, куда он направлялся, уже шли уличные бои...

Дронов появился в том же месте города, что и в прошлую свою миссию. У высокой, глухой ограды роскошного дома. Только теперь ситуация была сильно другой. От дома уже не веяло тишиной и покоем. Там поселились горе и смерть. Из-за стены валил густой дым. Слышались громкие причитания. Видно, в доме побывали римские солдаты. Они сначала его разграбили, а потом подожгли.

Дронов выскочил на знакомую улицу, и, не теряя времени, устремился к дому учёного. Была дорога каждая секунда. Ему надо было успеть застать его живым. Это было главное.

Вокруг слышались вопли, лязг оружия, топот многочисленных ног. Повсюду, впережку, лежали неподвижные тела победителей и тех, кого они победили. Смерть уравнила всех. Горели дома. Жирный, чёрный дым слался вдоль улицы. Он ел глаза. Город бился в агонии. Редкие защитники его ещё сопротивлялись, но судьба города была уже решена. Победители вели себя, как варвары. Их мечи не щадили никого. Пленных никто не брал.

Добежав до конца улицы, Дронов повернул налево. Изда-

ли увидел знакомый мраморный портик. Это был дом Архимеда. Похоже, туда победители ещё не успели добраться. Впереди Дронова бежало несколько римских воинов с обнажёнными мечами. Цель их мародерских устремлений была предельно ясна. Это богатый дом. Ещё не разграбленный. Там можно было хорошо пожить.

Дронов ускорил свой бег. Различил, сидящего на ступенях портика, седого человека. Человек, наклонив свою голову, что-то чертил на песке. Совершенно беззащитный. Это был Архимед. Дронов сразу узнал его, не смотря на то, что с момента первой встречи прошло более трёх десятков лет. Узнал по характерной позе, по задумчивому наклону головы, по невозмутимой отрешённости. У хронопутешественника сжалось сердце. Он одновременно и обрадовался, потому что увидел Архимеда живым и встревожился, от того что мог, в любой момент, его потерять. Ведь вокруг было столько раздражённого римского воинства. Добавил скорости.

Первым к седовласому старику, всё же, подбежал римский солдат. Потное лицо искажено злобой. В руках меч. Остановился перед склонённой головой, погружённого в размышления, седого человека. Старик что-то чертил на песке, не обращая на римского воина никакого внимания. И только тогда, когда тень римлянина упала на его чертежи, а растоптанный сандалий грубо попрал аккуратный рисунок, он поднял голову. В глазах возмущение, смешанное с презрением.

Он властно воскликнул:

– Не тронь моих чертежей!

Римский солдат, ничтоже сумняшеся, занёс над незащищённой, но непокорной головой старика свой меч. Варвар не понимал, на кого он поднимает свою руку. Алчность застила ему глаза. Немощный старик, сидящий на пороге богатого дома, был последним препятствием, мешавшим грабежу. Помеха слабая. Её можно легко убрать!

Но убрать помеху с дороги, ведущей к роскошной поживе, римскому мародёру не удалось. Занесённый над головой Архимеда, меч варвара так и не опуститься. Вмешался, быстрый как молния, центурион. Удар ноги и воин отлетел в сторону на десяток шагов. Меч брякнулся рядом с ним.

Центурион проревел ему вслед:

– Убирайся прочь! Убью!

Сверкнул глазами в сторону кучки таких же, как он, мародёров.

– И вы идите своей дорогой, если хотите жить! Этот дом – моя добыча!

Те, выкатив глаза от страха и изумления, сочли за благо для себя, удалиться. Подальше от разъярённого центуриона. Тем более что не разграбленных домов было ещё очень много. Хронопутешественник и Архимед остались наедине. Им теперь никто не мешал.

Дронов не спеша подошёл к невозмутимому, седовласому человеку.

– Архимед?

Человек смотрел твёрдо и прямо. В глубоко запавших глазах усталость и раздражение.

– Архимед.

Хронопутешественник удовлетворённо произнёс:

– Значит, я не ошибся!

Старик устало спросил:

– Чего ты хочешь от меня, римлянин?

Глаза лжецентуриона стали, на удивление, лучистыми.

В них светилась радость.

– Как хорошо, что я успел! Как хорошо!

Убелённый сединами Архимед, усмехнулся.

– Зря радуешься, римлянин. Кровавый Рим мне ненавиден.

Спросил, с горечью в голосе:

– Ты пришёл за мной?

– Да.

Архимед твёрдо ответил:

– Передай Марцеллу, что я не стану рабом Рима. Если мне предложат предательство или смерть, я выберу смерть!

Мнимый центурион улыбнулся. На фоне драматических событий, улыбка его показалась седовласому учёному странной и неуместной.

– Благородный Архимед, я пришёл к тебе с другой целью.

Учёный равнодушно сказал:

– Я не верю тебе, римлянин.

Лжецентурион простодушно пожал плечами.

– Благородный Архимед, я не римлянин!

Седобрадный мудрец удивился.

– Если ты не римлянин, то кто?

Хронопутешественник начал издалека.

– Архимед, мы уже встречались. Правда, это было давно.

Учёный прищурил глаза.

– Зрение моё ослабло. Но я всё ещё хорошо вижу. Мне лицо твоё не знакомо.

Хронопутешественник снова улыбнулся.

– Не удивительно, что ты забыл меня. Мы встречались тридцать лет тому назад. И всего один раз.

Архимед покачал головой.

– Я не могу узнать тебя, чужеземец. Хотя и пытаюсь.

Тогда Дронов напомнил гениальному греку о делах давно минувших дней.

– Мы виделись всего один раз. Эту мимолётную встречу, действительно, можно легко забыть в круговороте жизни, в потоке тысяч лиц и дел. Я согласен с тобой.

Чуть подумав, добавил:

– Но в тот день ты сделал одно из важнейших открытий в науке.

Учёный рассеянно спросил:

– Какое? У меня их было много.

Лжецентурион весело блеснул глазами.

– Оно сопровождалось восторженным криком «Эврика!» и твоим бегом по улицам Сиракуз, без одежды.

Лицо гениального старика посветлело.

– Я вспомнил. Ты тот самый человек, которого, кажется, звали Фессал?

Хронопутешественник подивился невероятной памяти античного гения.

– Да!

Архимед поправил себя:

– Я ошибся. Судя по годам, ты сын Фессала. Настоящий Фессал уже, должно быть, старик.

Дронов мягко возразил:

– Нет, ты не ошибся, благородный Архимед. Я и есть тот самый гражданин соседнего полиса, который приходил к тебе справиться о катапульте.

Седобрადый мудрец недоверчиво покачал головой.

– Тогда почему на твоём лице не видно зримого отпечатка прошедших лет? Их минуло уже тридцать.

Горько усмехнулся.

– Время не щадит никого!

Хронопутешественник тактично не согласился.

– Благородный Архимед, разве твой могучий ум не может допустить возможность того, что человек может управлять временем?

Учёный удивлённо глянул на странного собеседника.

– Это невозможно. Время не подвластно никому. Даже богам.

Хронопутешественник снова мягко возразил великому

учёному.

– Человек может управлять временем. Я тому доказательство.

Удивление седобравого мудреца усилилось.

– Тогда, кто ты, если не Фессал? Пусть даже чудом не постаревший за тридцать лет.

Ответ Дронова ошеломил древнегреческого учёного.

– Я человек из будущего.

Мудрецу показалось, что он ослышался. Настолько невероятными были, только что прозвучавшие, слова. Он взволнованно переспросил:

– Ты из будущего?

Хронопутешественник спокойно ответил:

– Да.

Учёный смятенно пробормотал:

– Из будущего... из будущего...

В его голос закрались нотки сомнения:

– Выходит, что ты... переместился во времени. Разве это реально?

Решительно покачал головой.

– Нет! Река времени не может течь вспять!

Хронопутешественник тихо, но твёрдо возразил:

– Может, благородный Архимед. Могущество разума человеческого очень велико. Человек научился путешествовать во времени.

Архимед смягчился. Похоже, он поверил словам своего

необычного собеседника.

– Скажи, путешественник во времени, какое оно, это будущее?

Дронов ответил индифферентно:

– Разное. У всякой эпохи своё время и свои люди...

Седобрადый мудрец отрешённо уставился за линию горизонта.

– Человек из будущего, ты открыл для меня дивный мир. Есть над чем поразмыслить...

Лжецентурион перешёл к делу.

– Скажи, благородный Архимед, у тебя есть на примете безопасное место, где бы ты нашёл приют?

Учёный кивнул.

– Есть. Хотя, от римских собак трудно спрятаться.

– Я помогу тебе покинуть обречённый город. А дальше...

Архимед энергично перебил хронопутешественника:

– Я знаю, что мне делать дальше!

Удивлённый Дронов спросил:

– Что?

Тусклые глаза Архимеда загорелись.

– Я брошу решать задачу квадратуры круга и займусь размышлением о природе времени. О, это, воистину, достойная задача...

Пятый постулат

Все люди, если они, конечно, не дикари, учились в школе. Кто раньше, кто позже. Но это не имеет особого значения. Важно другое: все они, наверняка, изучали геометрию. Красивую такую науку с прямыми и не очень ровными линиями, прямыми и непрямыми углами, отрезками и хордами, треугольниками и многоугольниками, окружностями и ещё много-много с чем.

Геометрия не просто демонстрирует всё это чертёжное многообразие, а комбинирует им. И не как бог на душу положит, а придерживаясь строгих логических правил. Другими словами, все эти комбинации с применением логики, называются доказательством теоремы, или ещё чего то.

Естественно, редко кто задумывался, находясь в юном возрасте, зачем все эти скучные доказательства. То прямые доказательства, то от противного. В окружающем мире есть масса других, более увлекательных вещей, чем копание в абстрактных графических построениях.

Конечно, многие слышали хотя бы краем уха, что когда-то, в древности творил некий геометр, по имени Эвклид. Оспаривать этот факт не серьёзно. Впрочем, было немало и таких людей, чей край уха вообще ничего не зафиксировал. И не потому, что не слышал, а потому, что не хотел слышать. Подумаешь, когда-то, кто-то, что-то там чертил. Это совсем

не интересно. Оно вряд ли пригодится в жизни.

Юные создания, скучающие за школьной партой, в большинстве своём, увлечены другим. Самым крутым и модным увлечением, на данный момент времени. В окружающем их, динамичном, пёстром и шумном, мире очень много различных соблазнов, отвлекающих их ненасытное внимание. Вряд ли они задумываются, что учатся по учебнику геометрии, который был написан более двух тысяч лет тому назад. Конечно, он откорректирован и переведён на современный язык. Но это форма. Содержание же осталось прежним. И его в этот учебник вложил древнегреческий геометр Эвклид.

Две тысячи лет. Это много. Ни один учебник в мире не может похвастать таким долгожительством. Мало того, он продолжит свою жизнь и дальше. До тех пор, пока будет существовать наука. И это правильно. Математические истины абсолютны, а потому бессмертны. Но даже на безукоризненном, по своей логике, содержании геометрии Эвклида есть одна пометка. Она смущает математический глаз, как единственное пятнышко на кристально чистом небосклоне геометрии. Драматичную роль этого пятнышка уже две тысячи лет, бесценно и неумолимо, играет знаменитый пятый постулат Эвклида.

В чём тут дело. Для того чтобы обеспечить безукоризненную логику доказательств, Эвклид, в основу своей книги, положил четыре аксиомы и пять постулатов. Это утверждения,

которые в силу своей очевидности и простоты, принимаются без доказательства, то есть на веру. Четыре аксиомы и четыре постулата, действительно, были так просты, что проще некуда. Они, как нельзя лучше, соответствовали своему значению.

Только вот пятый постулат резко от них отличался, и по своей формулировке, и по содержанию. Он выглядел в компании своих собратьев-простаков, как инопланетянин. Чужой, непостижимый и странный. Его формулировка уже с момента появления на свет начинала смущать профессиональное ухо геометра. Она вызывала внутренний протест: слишком уж заморочено она звучала, слишком сложно для положения, не требующего доказательства, ввиду его очевидности. Пятый постулат был гораздо больше похож на теорему, чем на утверждение, принимающееся на веру.

И вот на протяжении двух тысяч лет ученые умы античных времён, арабского средневековья и просвещённой Европы пытались изъять пятый постулат из употребления, доказывая его как теорему. Их мученья продолжались вплоть до начала XIX века. И всё тщетно. А почему тщетно? А потому, что все они, явно или тайно, шли в своих доказательствах по замкнутому кругу. Как белка в колесе. И никто из них, ввиду своего плоского мышления, даже близко не подумал выйти из пределов плоского пространства. Если обобщить эту историю, то все доказательства учёных звучали примерно так: дано масло. Требуется доказать, что оно масляное.

Доказательство: оно масляное, потому, что оно масло.

Конец этому сизифову труду положил математик из России, Николай Лобачевский. Он тоже взялся было доказать пятый постулат, как теорему. Но быстро сообразил, что в рамках плоской эвклидовой геометрии это сделать невозможно. Тогда он допустил, что реальное пространство не обязательно должно быть эвклидовым и... проблема сразу решилась. Он открыл новую геометрию. Неевклидовую. Геометрию, в которую эвклидова геометрия вошла, как частный случай. Вот такие чудеса. А знаменитый пятый постулат послужил входом в дивный мир этой новой геометрии. Он был всё равно, что золотой ключик к таинственной дверце в камерке папы Карло. Но это уже другая история...

Так в чём же камень преткновения? Как же звучит этот непокорный пятый постулат в оригинале. А звучит его формулировка так: *«И если прямая, падающая на две прямые, образует внутренние и по одну сторону углы, меньшие двух прямых, то продолженные неограниченно эти прямые встретятся с той стороны, где углы меньшие двух прямых»*. Это формулировка самого Эвклида. Ну, как? С элементарностью и очевидностью тут, в общем-то, не очень. Не мудрено, что его столько времени хотели исключить из утверждений, принимаемых на веру и пытались доказать, как теорему.

А вот как звучит современная трактовка пятого постулата: *«Если при пересечении двух прямых третьей сумма внутренних односторонних углов меньше 180 градусов, то*

эти прямые при достаточном продолжении пересекаются, и притом с той стороны, с которой эта сумма меньше 180 градусов». Ну, что? Прибавилась простота и ясность в его формулировку? Не похоже.

Ну и, наконец, самая простая трактовка знаменитого постулата. Тоже современная: *«Через точку, лежащую вне прямой, можно провести только одну прямую линию, параллельную данной».* Правда, тут возникает вполне законный вопрос, как поведут себя эти параллельные линии за пределами листа бумаги. Ведь далеко не очевидно, что пространство за пределами листа такое же плоское, как в окрестностях этого листа. И совсем не очевидно, что линии так и останутся прямыми, и, тем более, параллельными. Остаётся только в это верить. Но вера, как известно, никакого отношения к науке не имеет...

Драматичная история пятого постулата заинтересовала историков из академических кругов Хроноцентра. Им захотелось узнать мнение о пятом постулате самого автора, сформулировавшего этот постулат, лично.

Отрядили в хронопутешествие, естественно, Глеба Дронова. И понятно почему. Он уже трижды побывал в этом временном срезе. И все три раза успешно. Напутствовал хронопутешественника его непосредственный шеф, Год Веков. Напутствие было стандартным: блюсти параграфы Хронокодекса и только наблюдать, ни во что не вмешиваясь. Дронов экипировался в хламиду из тонкого, а потому дорогого, по-

лотна, с пурпурной каймой по краю. На поясе, под складками плаща висел неразлучный армейский нож. С ним он никогда не расставался во всех своих хронопутешествиях.

...Глеб покинул хронопортал, находясь на набережной Александрии. Стояло утро. Ярко светило солнце. Внизу плескались лазурные волны Средиземного моря. Было прохладно. Со стороны моря тянул лёгкий, влажный бриз. Дышалось легко и на полную грудь. Дронов неторопливо огляделся. Набережная оживала и наполнялась разнообразным народом. Размеренно шли, облачённые в белые роскошные хламиды, местные аристократы. Плавно двигались, закутанные до пят в белые одежды, женщины. Суетливо шагали босоногие, высушенные под немилосердным солнцем, рабы в набедренных повязках. Носились шустрые, забронзовевшие от солнца, звонкоголосые мальчишки...

«А у Александра был недурной вкус, – подумал Дронов. – Он выбрал очень удачное место для основания города своего имени». Хронопутешественник сориентировался на местности. Определился, куда двигаться дальше. Ему повезло. Цель его путешествия – Александрийский Музейон возвышался прямо перед ним. В каменной прохладе его необъятных пространств и помещалась знаменитая Александрийская библиотека.

Дронов неторопливо пересёк площадь. Он нёс свою особу с достоинством, как истый аристократ. Медленно поднялся по гранитным ступенями высокого подиума, и шаг-

нул в благодатную тень великолепного мраморного портика. Внутреннее пространство Музейона поразило хронопутешественника своим великолепием. Он мысленно похвалил царя Эллинистического Египта, Птолемея I Сотера, который не пожалел средств и сил для сооружения этой жемчужины науки и культуры Античного мира.

Вежливо остановил, пробежавшего мимо, человека.

– Скажи мне, где я могу увидеть достопочтенного учёного-геометра Эвклида?

Человек, а это был раб, судя по одежде, ответил:

– Великий Эвклид сейчас находится в библиотеке. Иди прямо господин.

Хронопутешественник облегчённо вздохнул: миссия складывалась для него пока удачно. Он медленно прошествовал сквозь анфиладу огромных гулких помещений. По мере того, как Дронов приближался к конечной цели, волнение его усиливалось. Ведь ему предстояло встретиться с персоной такого же масштаба, как Архимед или Александр Македонский.

Он застал Эвклида, сидящим за большим, мраморным столом, заваленным свитками и манускриптами. Учёный что-то писал, склонив свою седеющую голову. Дронов, едва сдерживая сильное волнение, жадно уставился на живую легенду. Эвклид лишь отдалённо напоминал свои скульптурные, живописные и графические образы, которые появились гораздо позже. Живой портрет был гораздо глубже, яр-

че и конкретнее.

Услышав звук шагов, знаменитый геометр поднял голову. Посмотрел на посетителя. Взгляд сосредоточенный и открытый.

Дронов, уважительно склонив голову, заговорил первым, как и подобает гостю:

– Приветствую тебя, достопочтенный Эвклид.

Античный учёный окинул оценивающим взглядом вошедшую персону. Персона, похоже, не вызвала у него отрицательных эмоций. Эвклид мягко ответил:

– И я приветствую тебя, достопочтенный гость! Рад видеть тебя.

Гость вежливо представился:

– Меня зовут Теллус. Я геометр. Родом из Родоса.

– Теллус, что привело тебя ко мне?

Лжегражданин Родоса снова уважительно склонил свою голову.

– Эвклид, я изучил твои «Начала». Это великий труд. Я восхищён им!

Знаменитый геометр смутился.

– Не стоит преувеличивать мои заслуги.

Чуть помолчав, устало продолжил:

– Согласен с тобой, Теллус, «Начала» – это большой труд. Однако в том не только моя заслуга, но и моих великих предшественников, которые трудились на протяжении многих веков до меня.

Гость кивнул головой, отдавая должное научному бескорыстию и порядочности великого геометра.

– Это благородно с твоей стороны, достопочтенный Эвклид. Опираясь на достижения предшественников, ты смог создать непревзойдённый, по логике и внутренней гармонии, научный шедевр. Твоим «Началам» нет ничего равного в геометрии. Они вершина научной доблести и таланта.

Хронопутешественник сделал небольшую паузу и, с сожалением, вздохнул.

– Однако, в безукоризненно стройной теории твоей геометрии, Эвклид, на мой взгляд, есть одна неточность. Она напоминает тёмное пятно, на безупречном лице дневного светила.

Античный геометр, внимательно выслушавший своего коллегу из Родоса, тихо спросил:

– Теллус, поясни мне, о чём идёт речь?

Лжегеометр внимательно посмотрел в глаза античного учёного, пытаясь уловить его реакцию.

– Речь идёт о пятом постулате!

Эвклид удивлённо поднял брови.

– О пятом постулате?

Лжеколлега александрийского учёного утвердительно кивнул головой.

– О нём, благородный Эвклид. И вот почему. Его формулировка слишком сложна, а суть не очевидна.

Удивление древнегреческого геометра усилилось.

– И что из этого следует?

– Он не выглядит, как аксиома, которая в силу своей простоты и очевидности, не требует доказательства. Он выглядит, как теорема.

Эвклид на некоторое время погрузился в размышления. Взгляд его повернулся вовнутрь.

– Досточтимый Теллус, ты не первый, кто обратил на это внимание.

Дронов оживился. Он был изумлён тем фактом, что уже во времена Эвклида проблема пятого постулата стала будоражить учёные умы!

– Кто же ещё, кроме меня?

Ответ учёного поразил Дронова.

– Я сам. Я прекрасно понимал, что формулировка пятого постулата громоздка, суть его не подходит для того, чтобы принять её на веру. И тогда я предпринял попытку, используя остальные аксиомы и постулаты, возвести пятый постулат в ранг теоремы.

Дронов встрепенулся. Он почувствовал, что услышит сейчас нечто очень важное, проливающее свет на тайну непокорного постулата.

– О, как это интересно! И что же у тебя получилось, достопочтенный Эвклид?

Знаменитый геометр древности пожал плечами.

– Ничего. Доказать постулат, как теорему, мне не удалось. Не смотря на все мои многочисленные попытки.

Дронов разочарованно вздохнул. Увы, он не услышал ничего нового даже от самого творца пятого постулата. Круг замкнулся. Глеб прекрасно знал историю этого неприступного постулата. Последователи Эвклида на протяжении двух тысяч лет тоже пытались вывести его из состава положений, принимаемых на веру. Все их усилия были напрасными. Неужели всё кончилось так банально?

– Жаль...

Однако разочаровываться Дронову было рано. Эвклид неожиданно продолжил:

– Пятый постулат трактует о поведении двух прямых линий, лежащих на одной плоскости. Если линии пересекаются, то они не параллельны. А если не пересекаются, то они параллельны. Это положение очевидно и элементарно, но... в пределах небольшого свитка. А как эти линии поведут себя в реальном пространстве? Это никому не известно.

Прищурившись, пристально посмотрел на лжеколлегу.

– Что такое реальное пространство? То вселенское пространство, где кружат планеты, светит дневное светило и сияет бесконечное количество звёзд. Какова его истинная геометрия? Если задуматься, то возможны три геометрии реального пространства. Плоское, открытое и замкнутое. Какое из них реализовалось в наблюдаемой вселенной, никому не ведомо. Но любопытно проследить, как будет выглядеть пятый постулат для каждого вида такого пространства. Для каждого из них, надо полагать, потребуется формулировка

собственного постулата.

Дронов никак не ожидал от античного геометра таких, потрясающе необычных для его времени, рассуждений.

«Ведь так и до открытия неевклидовой геометрии недалеко!» – восхищённо подумал он.

Между тем, Эвклид продолжил говорить:

– На плоскости можно провести только одну прямую линию, параллельную данной. На открытой, искривлённой поверхности можно провести бесконечное количество прямых линий, параллельных данной. И, наконец, на замкнутой поверхности не найдётся ни одной прямой, которая будет параллельна данной. Для каждого из трёх случаев можно построить свою геометрию, логичную и внутренне непротиворечивую...

– Я нашёл, что для практической деятельности человека более всего подходит геометрия плоского пространства. Два других, возможных, вида геометрии не представляют, пока, практического интереса и с разработкой их содержания целесообразно повременить...

«Вот это фокус, – изумился Дронов, – Эвклид не так прост, как могло показаться с первого взгляда. Анализируя суть пятого постулата, его могучий ум вышел за пределы плоского пространства и рассмотрел варианты открытого и замкнутого пространств. Ещё шаг и он мог создать неевклидову геометрию, куда его знаменитые „Начала“ могли войти, как частный случай. Мог создать, но посчитал эту ра-

боту преждевременной. Лобачевский, Гаусс, Бойаи, Римани, воспользовавшийся их трудами, Эйнштейн просто отдыхают. Полагаю, что академические круги Хроноцентра останутся довольны итогами моего визита к античному геометру!».

Дронов восхищённо произнёс:

– Благодарю тебя, достопочтенный Эвклид. Теперь я понимаю, в чём заключается истинный смысл формулировки пятого постулата. Сложность звучания его определения сейчас уже не так смущает мой слух...

Всего один электрон

*...На зыби яростной мгновенного
Мы двое – у одной черты;
Безмолвный крик желанья пленного:
«Ты кто, скажи? Ответ: «Кто ты?»...
Валерий Брюсов*

Звездолёт землян, носящий имя древнеславянского бога солнца, «Хорс» подходил к бинарной звёздной системе Альфа Центавра. Конечной целью звёздной одиссеи «Хорса» была Альфа Центавра В, более скромная звезда из, навечно связанной гравитацией, пары солнцеподобных звёзд. Её масса и радиус лишь немного уступали нашему дневному светилу. А температура на её поверхности всего на тысячу градусов меньше, чем у Солнца. По этой причине светит она в два раза тусклее нашего светила. Однако, по космическим меркам, это сущий пустяк. Бывает и хуже. Главное заключалось в том, что это была солидная, стабильная звезда среднего возраста, без капризов и непредсказуемостей.

А если звезда стабильная, и, к тому же, ещё и солнцеподобная, то существует большая вероятность того, что в зоне обитания вокруг этой звезды может зародиться жизнь. И не просто жизнь, что само по себе уже потрясающее собы-

тие, а жизнь разумная!

Вокруг звезды вращались три планеты. Но только ближайшая из них находилась в зоне, благоприятной для зарождения жизни. К тому же она была каменной. Две другие кружили далеко от звезды и обладали всеми признаками газовых гигантов.

Звездолёт замкнул траекторию своего полета, и начал наматывать витки вокруг каменной планеты Альфа Центавра В. Присмотревшись внимательно к планете, люди ахнули от удивления. С высоты орбитального полёта, планета выглядела почти так же, как их собственная!

Размером своим, она лишь ненамного превосходила Землю. Отсюда следовал оптимистичный вывод, что сила тяжести на её каменной поверхности, примерно, такая же, как и на родной планете. А это главное. Отпадала необходимость в использовании громоздкого экзоскелета, при перемещении по её поверхности.

Атмосфера давила на поверхность планеты с силой в ровно один килограмм на один квадратный сантиметр. Точь-в-точь, как на Земле. В небе плавали облака. Их было много. Но они были не белые, а чуть желтоватые, с нежно-фиолетовым оттенком, но тоже пушистые.

Суша, как и на Земле, омывалась морями и океанами. Однако цвет их также отличался. Был он не лазорево-синий, а желтовато-зеленоватый, с вкраплениями различных оттенков фиолетового цвета. Но цветовая гамма чужой пла-

неты особого беспокойства у экипажа звездолёта не вызывала. В странноватом окрасе планеты они винили возможные оптические фокусы атмосферы, и желтовато-оранжевый свет лучей центрального светила.

К вящей радости экипажа «Хорса», на поверхности планеты, присутствовало всё что нужно, для беззаботной прогулки по ней...

Однако когда физические условия на планете стали изучаться с помощью приборов, то есть серьёзно, то оптимизм команды звездолёта мгновенно испарился. Там, действительно, присутствовало всё, что нужно, кроме одной мелочи. Так, сущего пустяка, с точки зрения химии. Вдруг выяснилось, что вместо привычного и фатально необходимого людям, кислорода, окислителем там трудится фтор! Тоже окислитель, тоже газ, тоже галоген, только в таблице Менделеева стоящий впереди кислорода. Они соседи, но фтор был ближе к началу ряда. Отличие их между собой заключалось лишь в том, что у этого химического элемента на внешнем электронном слое было на один электрон меньше. Но какие потрясающие последствия следовали из этого факта!

Всегда выдержанный капитан, от великой досады, впервые ругнулся:

– Чёрт возьми! Фтор вместо кислорода! А так всё красиво начиналось!

– Всего один электрон, какой-то пустячок всего, – философски заметил астрофизик, отстранённо глядя в простран-

ство, – а как всё поменялось. Просто, сюр!

С ним согласился кибернетик:

– Действительно, на внешнем электронном слое атома химического элемента всего на один электрон меньше... и на планете всё иное, кардинально иное!

Планетолог тяжело вздохнул.

– Сожалею, но внизу суший ад. Для людей, разумеется. Там царствуют физические условия, абсолютно убийственные для существования всякой жизни на белковой основе.

Разочарованно посмотрел в панорамный иллюминатор, за прозрачной мембраной которого нехотя проплывал адский мир. Такой манящий и такой токсичный!

Горько усмехнулся.

– В атмосфере планеты фтор вместо кислорода, а на его поверхности плещется не вода, а плавиковая кислота. В её атмосфере станет гореть даже вода. Причём ярким пламенем. Ярче любого, самого высокооктанового углеводородного топлива. В молекуле воды, атом кислорода будет активно замещаться атомом фтора. В результате реакции выделится чистый кислород и плавиковая кислота. Отсюда вывод: соваться туда небезопасно. Ядовитая атмосфера и океаны плавиковой кислоты запредельно агрессивны. Съедят и не поперхнутся!

Второй пилот грустно заметил, разочарованно глядя на токсичные красоты, разворачивающиеся за иллюминатором:

– А я так мечтал погреться под ласковыми лучами местного солнца. Так хотел пройтись босиком по влажному, чистому песочку. Так жаждал скупаться в хрустальных водах океана, а потом позагорать в тишине...

Огорчённо отвернулся от иллюминатора.

– Выходит, зря надеялся...

Планетолог дружески положил свою руку не его плечо.

– Выходит, зря.

Подвёл черту:

– Слов нет, пляж прекрасен. И океан красив и прозрачен. Но это всё не для нас с тобой. Появись ты, там хотя бы на одно мгновение без скафандра, сгоришь, как спичка. После этого пляжи уже тебе станут не интересны...

В невесёлый разговор включился, хранивший до сих пор молчание, психолог:

– Как, всё-таки, фантастически любопытен феномен, который называется природой. Он бесконечно интересен и непредсказуемо разнообразен. Сдвиг всего на один электрон, на сущую ерунду и всё правильное, всё привычное и безопасное, вдруг, превращается в свою противоположность!

Мир, который мы наблюдаем под брюхом «Хорса», действительно, страшнее ада. Хотя, казалось бы, что может быть ужаснее того места, которое так красочно описал Данте Алигьери, и которым так усердно страшат служители культа, предостерегая человека от всевозможных грехов!

Мнение экипажа о планете резко поменяло свои полюса от полного очарования, до бесконечного разочарования. Ещё недавно они ломали головы над тем, каким именем наречь прекрасную незнакомку. Но она приподняла таинственную вуаль и показала свой настоящий лик. Он был ужасен. Имя планеты родилось само собой: Немезида! Планета получила имя древнегреческой богини возмездия за то, что она жестоко разочаровала людей за их неуёмный оптимизм и позитивные ожидания. Когда же с радужными надеждами экипажа звездолёта было покончено, то во весь рост стал вопрос: что делать дальше?

Что делать дальше, люди пока не знали. Уж слишком агрессивным и опасным был мир, медленно проплывавший под брюхом космического корабля. Нужно было найти нетривиальное решение.

Капитан обратился к астрофизику.

– Что, насчёт разумных сигналов?

Астрофизик покачал головой.

– Пока ничего. Несмотря на все наши старания. Планета молчит. Разумные электромагнитные сигналы не зафиксированы.

Планетолог попытался пошутить:

– Молчат? Может, они на ночь отключают все свои радиостанции.

Астрофизик отшутился в ответ:

– Планета круглая. Если на одной стороне спят, то на дру-

гой стороне обязательно бодрствуют.

– Согласен. Значит, свой Попов там ещё не появился.

Астрофизик озабоченно наморщил лоб.

– Сомневаюсь, что в этом аду вообще есть что-то живое.

Планетолог ему возразил:

– Рано ещё делать апокалипсические выводы. Ещё не вечер. Поживём, увидим.

Подошёл к панорамному иллюминатору.

– А что, собственно, такого странного случилось? Из-за чего весь сыр-бор? Да, ничего особенного не произошло. Ровным счётом, ничего. Что мы ожидали встретить? Двойник Земли? Но это уже чересчур. Природа не повторяется. Подобное может случиться только в сказках. И то, под новый год. Мы взрослые мальчики и должны это понимать.

Окинул взглядом соратников.

– Природа настолько изобретательна, настолько изощрена в своём творчестве, что из ограниченного числа химических элементов может создать такое чудо, которое не приснится нам даже в самых радужных снах.

Психолог поддержал планетолога:

– Действительно, нам ещё рано сушить вёсла. Подумаешь, кислород заместился фтором. Бывает. Возникли иные физические условия. Ну и что? Разве не смогут они поспособствовать возникновению форм жизни, адаптированных к этим условиям? Конечно, смогут! Все предпосылки для этого есть. Солнце спокойное. Планета вращается в зо-

не обитания. Времени у природы хоть отбавляй. Поэтому она могла расстараться и создать что-нибудь подходящее. Не обязательно похожее на нас, любимых, но, тоже, что-то, по-своему, красивое и уникальное.

Кибернетик улыбнулся.

– Здесь сложно спорить. Природа гораздо умнее нас.

Капитан нахмурился. Меж бровей обозначилась глубокая складка. Она у него появлялась только тогда, когда он принимал важное решение.

– Чтобы достоверно установить наличие жизни на планете, нужно, как минимум, находиться на её поверхности. Нам будет интересна любая форма организации жизни. От одноклеточных организмов, до разумных её форм. Сам факт её существования вне Земли – уже грандиозное событие. Оно покажет, что мы не одиноки и не уникальны. И это прекрасно, с какой бы стороны на этот факт не посмотреть!

Брови на его переносице сдвинулись ещё больше.

– Вот только среда на поверхности планеты токсична и агрессивна. Не устоит ни металл, ни стекло. Нужны материалы, стойкие к её воздействию. Здесь сработает только композит.

Жёстко произнёс:

– Но побывать на поверхности Немезиды придётся. Другого варианта у нас нет!

Астрофизик задумчиво посмотрел на, завораживающие своей красотой, виды чужой планеты.

– Красиво! Очень красиво, там, внизу. И смертельно опасно... для человека.

Капитан уверенно сказал:

– Не решаемых проблем не существует...

Добровольцев десантироваться на поверхность Немезиды набралось много. И каждый настаивал на том, что он достойнейший. Решение принимал капитан. После некоторых раздумий, он отрядил в экспедицию на Немезиду бортового психолога. В его выборе был свой резон. Если там, на поверхности планеты, вдруг, обнаружится гуманоид, что совершенно невероятно, то кому, как не бортовому психологу вступать с ним в контакт. В помощники психологу определили универсального робота. На него ложилась вся черновая работа по сбору различных данных, имеющих научную ценность. Но главной функцией робота была защита человека и оказание ему всяческой помощи.

Посадочный модуль приземлился на берегу океана, рядом с невысокой скалой. Робот тотчас приступил к своей работе, а человек не мог оторвать свой взгляд от завораживающих видов прекрасного, но смертельно опасного, чужого мира. Чувство опасности обостряло глубину ощущений человека. Он с трудом осознавал, что стоит на поверхности чужой планеты и обогревается лучами чужого солнца.

Всходило оранжевое солнце. Скала, рядом с которой стоял человек, затонировала свою зубчатую вершину в цвета червонного золота. Рубленые края её окрасились в пронзи-

тельно призрачные цвета, от тёмно-фиолетового цвета в тени, до ярко-оранжевого цвета на свету. Мистической красотой своей она стала похожа на звездолёт из далёких миров. Такие же рваные, как зубы дракона, формы уходили вглубь суши, и тонули в лиловой утренней дымке...

А у ног человека плескался океан. Его волны накатывались на мелкий, синеватый песок, лениво и невесомо. Космонавта поразила их хрустальная чистота и летучесть.

Чужой мир безмолствовал. Слышался лишь тихий, мерный шум, накатывающихся на берег, волн плавикового океана.

– Неужели планета мертва, – разочарованно пробормотал человек, – неужели здесь всё так стерильно и несовместимо с жизнью, что не смогут выжить даже простейшие? Если это так, то очень плохо. Такая вокруг красота, а любоваться ею некому!

Печально вздохнул.

– Как жаль...

Между тем робот, находящийся рядом с космонавтом, спокойно делал своё дело по сбору информации о странной планете. А, главное, он оберегал человека. Но неприятности, похоже, не предвиделись ни со стороны суши, ни со стороны океана, ни со стороны высокого, прозрачного неба. Небо было чистым и прозрачным, а суша и океан были пустынно.

И бортовому психологу, невольно, вспомнилась метафизическая живопись итальянского художника Джорджо де Ки-

рико. Изображённые на его картинах, городские пейзажи тоже были пустынно и безжизненны. Красоты архитектуры выглядели бессмысленно. Потому что там отсутствовал человек. Этими красотами некому было восхищаться...

Неожиданно, в монотонный шум океанических волн, влился ещё один звук. Он был высоким по тону, и переливчатым. Человек вздрогнул: такой звук могло издавать только живое существо! Едва слышный вначале, он плавно усиливался. Космонавт словно прирос к тому месту, на котором стоял. Забыв обо всём на свете, он зачарованно слушал эту странную, ни на что не похожую, мелодию. Она, то прерывалась, то возобновлялась вновь. И звучала, всякий раз, всё громче и всё мелодичней. Создавалось ощущение, что источник этой дивной мелодии приближается к посланнику Земли.

Человек стоял в тени скалы. Утренняя тень её казалась бесконечной. Вдруг, взволнованный взгляд космонавта увидел загадочное тёмное пятнышко тени на синеватом песке, которое медленно выплывает из-за скалы. По мере того, как загадочная тень росла, у человека учащался пульс. Робот тоже заметил движущуюся тень и привел свой излучатель в боевое положение. Замер, ожидая команды человека на его боевое применение.

А тень, тем временем, продолжала расти, выдвигаясь из-за скалы всё больше и больше. Человек словно окаменел. Хотя, сердце его так и рвалось на свободу. Оно предчувствова-

ло встречу с кем-то таинственным и прекрасным!

И этот великий миг наступил! Человек увидел, вышедшее из-за скалы прекрасное существо. Это была женщина неземной красоты. Высокая, стройная, пластичная, укутанная в летучие одежды, она остановилась напротив человека и, тоже, замерла. От неожиданности. Её распахнутые, бездонные глаза смотрели на гостя из космоса прямо и удивлённо. Уста замерли, прервав прекрасную мелодию на полу-звуке...

Их разделяла пропасть реальности, но мог объединить разум...

Пленники планеты Атис

На эту чудесную планету мы десантировались небольшой группой. Это была оптимальная, по количеству участников, команда, необходимая для первичного исследования нового небесного тела. Добровольцев, из состава экипажа звездолёта, набралось много, но отправиться на неведомую планету подфартило только нам.

В исследовательской группе нас четверо: я – бортовой психолог и, по совместительству, руководитель команды, планетолог, биолог и пилот.

Нам с планетой повезло. Да, собственно, по-другому и быть не могло. Ведь производить полёты в дальний космос вслепую, занятие абсолютно бессмысленное. Это все равно, что тыкать пальцем в небо. Цель полёта, изначально, отрабатывается до последней мелочи. Сюда подключается вся мощь астрономической науки. И не только её. Всё делается для того, чтобы, в итоге, не остаться на бобах.

Планета оказалась размером с нашу Венеру. И это благо, потому что сила тяжести на её поверхности, пусть не на много, но меньше, чем на Земле. Атмосфера разреженной венерианской, но гуще земной раза в полтора. Формула её такова, что лучшего и желать нечего. Азот, кислород, немного углекислого газа и, едва заметные, следы примесей других газов. Их доля настолько ничтожна, что за малостью, ею мож-

но было пренебречь. Зато удельный вес кислорода в ней был значительно выше, чем в нашей родной атмосфере. О таком подарке можно только мечтать – не воздух, а сказка.

Ось вращения её наклонена чуть меньше, чем у Земли, поэтому контрасты сезонных переходов, скорее всего, будут выражены слабее, чем у нас. Температура на поверхности благодатная. Воды много. По первому впечатлению – не планета, а эдем. Только не земной, а ещё лучше. Хоть, сейчас переселяйся сюда всем человечеством, и живи, не зная забот!

Мы покинули посадочный модуль и замерли, в восхищении, у его могучих лап, созерцая красоты новой планеты. Рядом, с местом посадки, протекала река. На расстоянии вытянутой руки, синел дремучий лес. А вокруг необъятным, пёстрым ковром расстилалась равнина. У нас сразу же возникло желание откинуть забрало гермошлёма, и подышать живительным воздухом. Но биолог строго предостерег от этого опрометчивого шага: нельзя! Чужая планета, чужая жизнь!

Местный жёлтый карлик находился немного ближе к планете, поэтому от Солнца ничем не отличался. Разве что лучи его были немного теплее и ярче.

Планетолог не мог сдержать своих позитивных эмоций.
– Красота!

Пилот с ним согласился:

– Действительно, красиво. Но, куда ни глянь, видны сплошные фракталы. До самого горизонта. А хотелось бы че-

го-нибудь искусственного. Железку какую-нибудь интересную, например. Тогда бы всем нам стало окончательно хорошо.

Биолог возразил ему:

– Зачем тебе железка? Особенно, на первых порах. Не надо никаких железок. Хватит и фракталов. Железка – это уже предостережение, и даже, опасность. Сразу возникает масса вопросов. Кто её соорудил? С какой целью? Ведь никто не знает, что у местных аборигенов на уме.

Пилот иронично улыбнулся.

– Ты возражаешь против встречи с братьями по разуму? Вот не ожидал. Это же счастье для нас! Снимется, наконец, проклятие нашего унылого одиночества в этом мире!

Биолог примирительно ответил:

– Кто бы возражал. Но, желательнее, чтобы счастье это обрушилось на нашу голову не всё сразу, а по частям. В противном случае, есть опасность умереть от удовольствия. От передозировки. А пока, давай посмотримся, как следует. Может, и увидим какую-нибудь железку.

Планетолог поинтересовался у биолога.

– Ты полагаешь, что здесь нет разумной жизни?

Биолог пожал плечами.

– Ещё рано что-то полагать. В таких благоприятных условиях, которые царят на этой планете, может завестись всё, что угодно.

В это время над нашими головами, трепеща прозрачными

крыльями, пролетела нехилая, по размерам, стрекоза.

Биолог ахнул от удивления.

– А вот пожаловал и первый представитель фауны. Летучий. Насекомое, но какое роскошное. Отъевшееся. Это всё от избытка кислорода.

Предостерег коллег:

– Надо думать, что это не самый большой и самый опасный сюрприз здешней фауны. Можем встретить штучки и заковыристей.

Я кисло улыбнулся.

– Ты хочешь сказать, что здесь могут ползать муравьи и тараканы, или нечто подобное, величиной с молочного поросёнка?

Он ответил мне такой же улыбкой.

– Не исключаю. Поживём, увидим.

Пилот брезгливо поморщился.

– Фу, какая гадость!

Я рассмеялся.

– Ничего страшного. Мы, всё равно, крупнее их. Победа будет за нами!

Пилот буркнул:

– Если не встретится что-нибудь более высокоорганизованное и крупное.

Я поднял руку, требуя общего внимания:

– До заката здешнего солнца у нас есть ещё несколько часов по бортовому времени. Давайте используем его на полез-

ные дела. На первый раз, задания будут несложные. В будущем же нас здесь ждёт большая работа!

Я направил пилота, к текущей рядом, небольшой речке взять пробы воды для анализа. Биолога с планетологом отрядил к лесу. Биологу вменялось нащипать на опушке разных веточек, а планетологу взять пробы почвы. Сам же направился для сбора гербария. Все мы находились в поле визуальной видимости, с тем, чтобы в случае опасности, могли прийти друг к другу на помощь.

Я медленно брёл по нехоженной поляне. Она изобиловала невероятно роскошным разнотравьем. Видов растительности было столько много, и они были так не похожи на земные формы, что у меня, невольно, пошла кругом голова. Наклонился и сорвал первый, подвернувшийся по руку, цветок. Поднёс к забралу. Восхитился бесконечной фантазией природы. Возникло стойкое ощущение, что он порхнул мне в руку прямо с полотна великого Врубеля.

Залюбовавшись переливами цвета и формой его хрупких лепестков, я, невольно, потерял чувство времени. Он заморозил меня, словно «аленький цветок» из одноимённой сказки. Наконец, я сделал над собой усилие и оторвался от любования его хрупкими красотами. Наклонился и, вслепую, сорвал ещё несколько растений. С этим небольшим «веником» медленно побрёл по неземному ковру необъятной поляны, без цели и желаний.

Я расслабился. Делать ничего не хотелось. Такое настро-

ние меня посещало редко. Только тогда, когда я сильно уставал или тогда, когда выполнял монотонную работу.

Но сейчас я не устал. Не пресытился монотонным занятием. Скорее, напротив. Я бодр физически, а вокруг меня, фантастически красивые, инопланетные пейзажи, которые могут только вдохновлять. Здесь было что-то другое. Что? Этого я, пока, не знал.

Я посмотрел на часы и ахнул. Оказывается, уже минуло почти три часа. Это обстоятельство меня сильно удивило. Я связался со своими подопечными. В ответ получил молчание.

На душе стало тревожно. Усилием воли я стряхнул ослабленность и, сжимая в кулаке свой «веник», поспешил к пилоту. Он находился ближе других.

Нашёл его, стоящим по колено в воде, и в приподнятом состоянии духа.

Я подошёл ближе и удивлённо спросил:

– Что ты делаешь?

Он растянул детскую улыбку.

– Ловлю рыбу.

– Чем?

– Руками.

– Зачем ты её ловишь?

Его детская улыбка стала ещё шире.

– Мне интересно.

– Много поймал?

Он покачал головой.

– Ничего не поймал. Она сильная и скользкая. Всё время от меня уходит.

– А ты уверен, что это рыба?

Он вёл себя, как ребёнок.

– Это неважно. Мне нравится сам процесс.

Я начал терять терпение.

– Давно ловишь?

Он, снова, глупо улыбнулся.

– Я время не засекал.

Рассмеялся.

– Счастливые люди часов не наблюдают.

Мне, вдруг, пришла в голову мысль, что я тоже был в аналогичной ситуации с «аленьким цветком». Всё это выглядело очень странно, и было похоже на наваждение.

– Почему не ответил на мой вызов?

Ответ был детским:

– Я отключил связь.

Я спросил у него насчёт выполнения моего задания, хотя уже знал заранее, что ответ будет отрицательным:

– Ты взял пробу воды?

Он на некоторое время задумался, что-то вспоминая.

– Что? А... пробу? Нет.

Я сделал вид, что возмутился.

– Почему?

Он посмотрел на меня каким-то странным взглядом.

– Я... я был занят.

Я впервые, с тревогой, осознал, что с человеческой психикой, на этой планете, происходит что-то странное. Однако, пока, не стал поднимать тревогу. Нужно было разобраться детальней.

Миролюбиво напомнил пилоту:

– Уже вечереет. Иди к модулю. Я пойду к биологу и планетологу. Погляжу, чем они там занимаются.

Подходя к ним, заметил, что они сидят на корточках, каждый сам по себе, и чем-то заняты.

Подошёл к планетологу.

– Задание выполнил?

Он поднял на меня глаза. В глазах недоумение.

– Задание?

Наморщил лоб.

– Ах, да... что-то припоминаю. Нет, не выполнил.

Я раздражённо спросил:

– Чем ты всё это время занимался?

Он вдохновенно стал объяснять мне, чем он занимался всё это время:

– Знаешь, я случайно увидел здешнего муравья. У него на две лапки больше, чем у нашего. Он такой крупный и забавный.

Тихо хихикнул:

– Не поверишь, насколько этот муравей сообразительное насекомое. Он ползёт себе, а я на его пути поставил преграду.

ду. Хотел узнать, что он станет делать. И знаешь, что он сделал? Он...

Мне было не интересно, что сделал местный муравей, хотя, коллегу своего понимал прекрасно. Ибо, полчаса назад, был сам такой. Я нарочито резко прервал елейный рассказ планетолога о сообразительном муравье:

– Двигай к модулю.

– А как же муравей...

– Это приказ!

После этого, я подошёл к биологу, заранее зная результаты его работы.

Задал риторический вопрос:

– Чем занимаемся?

Он поднял голову. Взгляд наивный-наивный.

– Не видишь, разве?

– Не вижу.

– Странно...

Снова опустил голову.

– Любуюсь земляной змейкой. Она такая необычная, такая прелестная!

Мне сделалось тоскливо.

– Успехи есть?

Он одарил меня такой же незамутнённой детской улыбкой, как и его предшественники. Я почувствовал дискомфорт: возможно, такая же улыбка и у меня. Со стороны на свою начальственную физиономию я не смотрел.

– Знаешь, шеф, на её боках я уже насчитал с десятков цветов. А если говорить об оттенках и полутонах, то их наберётся на порядок больше!

Я с недоумением смотрел на этого серьёзного человека.

– Что, дальше?

Он радостно продолжил:

– О, это ещё не всё. Я детально рассмотрел спинку и брюшко змейки. Мне кажется, что цветовая палитра этого удивительного существа станет ещё богаче. Причём, значительно.

Я едва удерживался от смеха, хотя, честно говоря, тут уже приспела пора заплакать.

– Больше ничего не открыл?

– Открыл. У неё уникальные глаза...

Я рубанул рукой воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.